

Эндрю Майкл Хёрли

The Loney

Перевод Светланы Гринь

2

Может, было и другое название, не знаю. Местные называли эту дикую заброшенную местность в междуречье Уайра и Луна Пустошью. Каждую Пасху Хэнни и я ездили туда с матерью, отцом, мистером и миссис Бельдербосс и нашим приходским священником отцом Уилфредом. Неделя посвящалась покаянию, молитвам, исповедям, посещению часовни Святой Анны, приобщению к божественному в весеннем возрождении. Но сама пришедшая весна никогда не бывала похожа на весну, не несла ничего похожего на быющую через край жизненную силу – скорее, мокрый послед зимы.

Скучная, ничем на первый взгляд не примечательная, Пустошь тем не менее была гиблым местом, расположенным на нетронутом, безлюдном отрезке английского побережья. Мертвая пасть бухты дважды в сутки наполнялась и опорожнялась, превращая Колдбэрроу – узкую полосу земли в миле от берега – в остров. Приливы бывали резвее лошадей, и каждый год там тонуло несколько человек. Рыбаки, сбившиеся с курса и наскочившие на мель. Ловцы моллюсков, в погоне за наживой забывшие про осторожность: они загоняли свои машины на песок во время отлива, и спустя недели их прибывало к берегу с зелеными лицами и кожей, висевшей клочьями.

Иногда о таких трагедиях сообщалось в новостях; но была в жестокости Пустоши такая неизбежность, что чаще всего души утопленников без особого шума присоединялись к сонму погибших за сотни лет в попытках освоить эти места. Тут и

там виднелись следы былой деятельности: остатки волнорезов, перемолотых штормами; затянутые илом причалы; вереница полусгнивших черных свай – все, что осталось от насыпной дороги, протянутой до Колдбэрроу. Были там и другие, более таинственные сооружения: полуразвалившиеся хибарки, в которых когда-то потрошили скумбрию перед отправкой на рынок; ржавеющие сигнальные фонари; остов деревянного маяка на скале, в давние времена светившего морякам и пастухам, прокладывающим путь через коварные пески.

Узнать Пустошь по-настоящему было невозможно. Она менялась с каждым наступлением и отступлением воды, и в мелководье можно было видеть скелеты тех, кто решил, что уж они-то здесь свои, что они-то совладали с предательскими течениями. Были там и животные, и люди, пастух утоновший вместе с овцой, застигнутые приливом на старой камбрийской переправе. И вот уже лет сто или больше Пустошь перекачивает их кости, будто делая знаки тем, кому дано видеть.

Никто из знавших про это место к воде никогда не приближался. Никто, кроме нас и Билли Тапера.

Билли был здесьним пьянчужкой, его знали все. История его грехопадения была неотъемлемой частью местного фольклора. Для моей матери и отца Уилфреда он был просто-таки даром небес – ходячее наглядное пособие, демонстрирующее, до чего доводит пьянство. Билли Тапер был не человек, а символ божьей кары.

Согласно легенде, он был когда-то учителем музыки в школе для мальчиков или директором школы для девочек в Шотландии, а может на юге или в Халле, не знаю. Разные люди рассказывали по-разному; но все сходились на том, что выпивка свела его с ума. Про него и его странности ходило множество рассказов. Он жил в пещере. Он убил кого-то молотком в Уайтхэйвене. У него была где-то дочь. Он верил, что собрав определенную комбинацию камней и ракушек, он становился невидимым. Поэтому он часто забредал в «Рынду и якорь» в Малом Хэгби с карманами, набитыми

галькой, и пытался подобраться к кому-то из завсегдаев и отпить из их кружки – думал, они его не видят. Отсюда и сломанный нос.

Не знаю, что из всего этого было правдой, да это и не важно. Тому, кто хоть раз увидел Билли Тапера, все, что о нем говорили, казалось вполне правдоподобным.

Впервые мы встретили его на грубоштукатуренной бетонной автобусной остановке на трассе, шедшей вдоль побережья от Моркама до Нот-Энда. Был это, скорее всего, 1973 год. Мне было лет двенадцать, Хэнни шестнадцать. Нашего отца с нами не было. Рано утром он вместе с отцом Уилфредом и мистером и миссис Бельдербосс отправился осматривать витражи деревенской церкви в двадцати милях от нас – в той церкви, по слухам, был великолепный оконный витраж в неоготическом стиле, изображающий Христа, успокаивающего шторм. А мать решила съездить со мной и с Хэнни в Ланкастер, чтобы купить продуктов и сходить в библиотеку на выставку старинных Псалтырей; она никогда не упускала случая преподать нам урок истории христианства. Билли было с нами по пути, судя по тому, что было написано на куске картона, который болтался у него на шее. Таких картонок у него было несколько дюжин; они предназначались для водителей автобусов, чтобы им легче было понять, куда он едет.

Когда он шевелился во сне, из-под низа выглядывали другие таблички с названиями мест, где он уже побывал или куда только еще собирался. Кендал. Престон. Манчестер. Халл. В Халле жила его сестра, если верить ярко-красной карточке на шнурке у него на шее с жизненно важной информацией: его имя, телефон сестры и предупреждение печатными большими буквами о том, что у него аллергия на пенициллин.

Последнее обстоятельство вызвало у меня тогда живой интерес: а что будет, если дать ему пенициллин? Разве можно ему навредить еще больше, чем он уже себе навредил? Я никогда раньше не встречал человека, который бы так плохо обходился со своим телом. Его пальцы и ладони были покрыты несмываемой грязью. Все складочки, все морщинки были черными. Глаза по обе стороны сломанного носа

были глубоко вдавлены в череп. Волосы сползали за уши и вниз по шее, синей от покрывавших ее татуировок. Было даже что-то героическое в его категорическом нежелании мыться – нас-то мать постоянно надраивала и растирала полотенцами.

Он сидел согнувшись, опираясь на спинку скамьи. Рядом с ним на земле валялась пустая бутылка с остатками чего-то скверного. Между коленями он держал маленькую сморщенную картофелину, и это меня странным образом ободрило. Это было как-то правильно – то, что у него была только одна сырая картофелина. По моим представлениям, именно так должны были питаться бродяги: откусывая по крошечному кусочку во время странствий по городам и весям в поисках пропитания. Я представлял, как они голосуют на дорогах; воруют, что плохо лежит; ездят «зайцами» на поездах. Я уже говорил, что в то время бродяжничество в моих глазах было не лишено романтики.

Когда он шевелился во сне, его растопыренные карманы издавали такой звук, как будто они и правда были набиты камнями, как рассказывали. Вдруг он начал что-то бормотать, жаловаться на какого-то О’Лири, который должен был ему деньги; деньги О’Лири так и не отдал, а у самого была даже лошадь. Потом Билли проснулся и увидел нас. Собрав в кулак всю свою любезность и трезвость, он приветствовал нас зияющей улыбкой из трех черных кривых зубов и даже снял берет перед матерью. Мать скупно улыбнулась в ответ, но, как всегда при встрече с новым человеком, мгновенно дала ему полную характеристику и сидела теперь, испуганно-негодующе уставившись на пустую дорогу. Она явно рассчитывала заставить автобус материализоваться усилием своей несгибаемой воли.

По обычаю пьяниц Билли пренебрег «разговором о погоде» и безо всяких переходов и вступлений с ходу шмякнул передо мной свое кровоточащее сердце, как кусок сырой говядины.

– Не поддавайтесь этому дьявольскому зелью, парни. Я из-за него все потерял, – он поднял бутылку и поболтал остатки. – Видите этот шрам?

Он завернул рукав; показался красный шрам, который шел от запястья до локтя, прокладывая путь между вытатуированными кинжалами и пышногрудыми красавицами.

– Знаете, откуда он у меня? – Я отрицательно покрутил головой; Хэнни смотрел во все глаза.

– Свалился с крыши. Кость насквозь кожу проткнула, – сказал он и пальцем показал, под каким углом торчала локтевая кость.

– Сигареты не найдется? – Я опять покачал головой, и он вздохнул.

– Черт. Знал, что надо оставаться в Кэтрике, – снова изрек он без всякой связи.

Определить его возраст было сложно, и он совсем не был похож на бывалых красавцев-ветеранов из моих комиксов «Коммандос», но я подумал, что, наверное, он мог побывать на войне. И точно, когда он закашлялся и снял берет, чтобы вытереть рот, я рассмотрел на берете какую-то металлическую военную эмблему, косо прикрученную спереди.

Я подумал, может, это из-за войны он начал пить. Отец говорил, война творила странные вещи с некоторыми людьми. Сбивала их с курса.

Как бы там ни было, но мы с Хэнни не могли оторвать от него глаз. Мы упивались его нечистоплотностью, его жутким чужеродным запахом. Мы испытывали такое же боязливое и одновременно восхитительное волнение, как когда нам случалось проезжать через «плохой», по определению матери, район Лондона, и мы терялись в бесконечном лабиринте фабрик, свалок и стандартных домиков «стенка к стенке». Мы вертелись на сиденьях и тарасились через окна на неопрятных детей, которые во все глаза смотрели на нас. Вместо игрушек у этих детей были куски дерева и железки, выдранные из обломков мебели, сваленной во дворах, где женщины, опоясанные передниками, выкрикивали ругательства в адрес мужчин, ковыляющих из пивной на углу. Это был своего рода заповедник. Там можно было наблюдать низость безбожного мира.

Билли взглянул на мать и, не отрывая от нее взгляда, достал из пластикового пакета у своих ног какие-то измятые листки и сунул их мне в руку. Это были страницы, вырванные из грязного журнала.

Он подмигнул мне и сел, откинувшись на стенку. Показался автобус; мать встала и подняла руку, делая знак остановиться, а я поспешно спрятал картинки.

– Что ты делаешь? – спросила мать.

– Ничего.

– Прекрати копаться и поднимай Эндрю.

Я сказал Хэнни, чтобы он вставал, подходит автобус, но он не двигался. Он улыбался и смотрел мимо меня на Билли, который к тому времени опять уснул.

– В чем дело, Хэнни?

Он глянул на меня, потом опять на Билли. И тогда до меня дошло, на что он тарашится: у Билли между колен была не картофелина, а пенис.

Автобус остановился, мы сели. Водитель посвистел Билли, но тот не проснулся. Водитель свистнул еще раз, покачал головой, потом нажал на кнопку, и дверь закрылась. Мы сидели и смотрели, как на брюках Билли спереди расплзается темное пятно. Мать зашипела на нас и развернула наши головы лицом к ней.

– Берегитесь, – говорила она, когда автобус тронулся. – Этот человек уже внутри вас. Стоит несколько раз сделать неправильный выбор, и он завладеет вами. Уж поверьте мне.